

СОЦИОЛОГИЯ И ЖИЗНЬ

DOI: 10.17805/zpu.2015.4.6

Доверие в саморегуляции молодежного экстремизма*

Ю. А. Зубок

(Институт социально-политических исследований РАН, г. Москва)

В условиях современного кризиса во многих странах мира, падения уровня жизни и очевидно-го сужения структуры возможностей молодежи ее самоорганизационные процессы и их направленность приобретают экстремальные формы. Современные тенденции индивидуализации и усиления социальной субъектности молодежи, эмансипации как освобождения молодых людей от различных форм ограничений и расширения пространства свободы сочетаются не только с плюрализмом идеалов и представлений молодых людей о социальном окружении, но и с повышением протестного потенциала. Молодежь становится основной движущей силой экстремистских акций.

На основе теоретико-методологических подходов, разрабатываемых Отделом социологии молодежи Института социально-политических исследований РАН, в статье рассматривается роль доверия как одного из значимых регуляторов экстремизма в среде молодежи. Анализируются результаты исследований «Социокультурный механизм формирования и воспроизводства отношения к объектам социальной реальности в российском обществе», и «Доверие как феномен социальной реальности», проведенных под руководством Ю. А. Зубок и В. И. Чупрова в 13 субъектах Российской Федерации. В 2011 г. всего было опрошено 1301 чел., объем подвыборки молодежи в возрасте 18–29 лет составил 323 чел.; в 2014 г. — 1459 чел., объем подвыборки молодежи в возрасте 15–29 лет — 790 чел.

Рассмотрение молодежного экстремизма как социального явления осуществляется, исходя из социально-групповых особенностей молодежи, специфики ее сознания и субкультуры, как способа самоорганизации. Теоретическое обоснование концепции доверия производится на основе феноменологического подхода социологии знания, согласно которому доверие определяется как форма позитивного восприятия объекта, и формирование его субъективного образа. Доверие к власти является результатом ее рационального и чувственно-эмоционального восприятия молодежью с последующей позитивной оценкой деятельности ее структур как меры совпадения ожиданий и реальности.

На основе данных исследований выявлено, что доверие молодежи к власти выступает значимым регулятором не только ее социально-политической активности, но также ее направленности и конкретных форм реализации, придавая им институциональный характер, способствует снижению радикальных настроений молодежи, ослаблению установок на экстремизм.

* Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Доверие как фактор саморегуляции в изменяющейся социальной реальности» (грант РФФИ № 14-03-00484).

The article was written as part of the project “Trust as a Factor of Self-regulation in the Changing Social Reality” (supported by the Russian Foundation for the Humanities, grant No. 14-03-00484).

Ключевые слова: доверие; молодежь; социально-политическая активность; радикальные настроения; молодежный экстремизм; саморегуляция; самоорганизация

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования молодежного экстремизма — спонтанных, ситуативных поведенческих реакций или целенаправленной деятельности молодежных сообществ с высокой долей экстремистских проявлений, а также механизмов и способов его снижения остается в социологии молодежи одной из острейших. Усиление самоорганизационных процессов в молодежной среде, свойственное открытости и нелинейности современного мира, индивидуализация и усиление социальной субъектности молодежи, проявляющиеся в наличии множества свободно действующих акторов, эмансипация как освобождение от различных ограничений и расширение пространства свободы и самоконтроля — все это сочетается с изменяющимися идейными основаниями самоорганизации, плюрализмом идеалов и представлений, а также повышением протестного потенциала самоорганизации молодежи и расширением круга политических сил, использующих его в собственных интересах.

В условиях экономического кризиса, падения жизненного уровня и очевидного сужения структуры возможностей молодежи на фоне разворачивающихся событий в странах Ближнего Востока и Северной Африки, в Украине, Армении, а еще ранее в Грузии, Киргизии, Молдове самоорганизационные процессы молодежи и их направленность приобретают особую значимость. Исторический опыт показывает, что в подобных событиях молодежь играет важнейшую роль пусть не идейного вдохновителя, но одной из основных движущих сил протестных акций. Отсутствие перспектив, утраченное доверие, разочарование и агрессия, усиленные психоэмоциональными особенностями молодости, приводят к тому, что протестные действия реализуются в крайних формах, а присущая молодежи экстремальность легко конвертируется в экстремизм. Возникает вопрос о социальных регуляторах такой активности молодежи и о том, какую роль в этом механизме играет доверие.

РОЛЬ ДОВЕРИЯ В СОЦИАЛЬНО-РЕГУЛЯЦИОННОМ МЕХАНИЗМЕ В ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Как известно, социальная регуляция представляет собой процесс упорядочения социальных взаимодействий, подчинения их определенным правилам, нормам, представлениям о должном, принятым в обществе, группе, социальной среде. С теоретических позиций классической социологии регуляция осуществляется с помощью институциональных, социокультурных, социально-стратификационных, социально-организационных и социально-контролирующих механизмов, конечной целью которых является установление социального порядка и непрерывного самовоспроизводства социальной системы (Эфендиев, 2000; Иванов, Патрушев, 2004; Зинченко, 2004; Бандурин, 2005; и др.). Ключевая роль в социальной регуляции отводится институциональным механизмам, утверждающим соотношение прав и обязанностей, направленных на достижение баланса ожиданий молодежи и общества. Однако превращение распространяемых нормативных образцов в ориентиры индивидуального и группового поведения предполагает их закрепление в системе групповых ценностей. В свою очередь, интернализированные групповые ценности и образцы поведения приобретают характер обязательных норм, предписывающих такие действия, которые санкционируются органами власти и общественным мнением. В этом качестве они преобразуют-

ся в саморегуляционные механизмы и учитываются в процессе самоорганизации, позволяя избежать противостояния в обществе.

Готовность молодежи ориентироваться на них в выборе форм своей активности и достижении целей говорит о том, что институционально вырабатываемые способы социальной активности легитимны, не вызывают отторжения у молодежи, а сами институты как источники социальных образцов пользуются доверием. В свою очередь, их игнорирование может свидетельствовать о недоверии. Следовательно, доверие можно рассматривать в качестве важного связующего звена между внешней регуляцией и саморегуляцией в молодежной среде.

Такая связь проявляется практически во всех сферах жизнедеятельности, приобретая особое значение в условиях изменяющейся социальной реальности и неопределенности. Под социальной реальностью понимается вся совокупность объектов и событий в социокультурном мире как объекте обыденного сознания людей, живущих своей повседневной жизнью среди себе подобных и связанных с ними разнообразными отношениями интеракций. Иными словами, социальная реальность — это прежде всего знания людей об этих условиях, основанные на обыденном, повседневном знании и жизненном опыте, редуцированные в систему значений и смыслов. На основе этих знаний формируется отношение людей к объектам, событиям и явлениям социальной действительности.

В современном обществе с его неопределенностью, нелинейностью, размытыми границами и правилами, ослабшими авторитетами и ушедшими модальностями доверие принимает на себя ключевую роль в регулировании социальных взаимодействий. Позитивное восприятие молодежью окружающей действительности и отношение к различным ее объектам — государственным и общественным институтам, политическим и общественным деятелям, выдвигаемым ими целям и ценностям становится неформальным основанием согласия и идентификации с ними. В свою очередь, идентификация с исходящими от них смыслами и действиями означает не что иное, как доверие к ним со стороны молодежи.

Именно доверие, иногда базовое, априорное, в других случаях осознанное, отрефлексированное, обеспечивает легитимацию всей системы общественно-политических связей и отношений, уровень лояльности и социальной солидарности, общности не только целей, но и средств их достижения, удерживает различные социальные проявления в установленных рамках, не позволяя им принимать крайние экстремистские формы.

Рассматривая молодежный экстремизм как социальное явление, мы исходим из социально-групповых особенностей молодежи — специфики ее сознания и субкультуры как способа самоорганизации. Если предпосылки экстремизма обусловлены специфическими особенностями самой молодежи — ее лабильностью, склонностью к максимализму, то непосредственные причины коренятся в общественных условиях, порождающих такие противоречия, преодоление которых способствует переходу экстремальности молодежных оценок и реакций в экстремизм (Зубок, Чупров, 2008, 2009; Чупров, Зубок, 2009). В социальном плане подобные противоречия рассматриваются в широком контексте социальных проблем, возникающих в ходе становления социальной субъектности молодежи и конструирования ею социальной реальности. Среди них проблемы статусной непоследовательности и пролонгированной маргинальности молодежи; возрастного неравенства статусных позиций и дискриминационных проявлений; обретения и сохранения независимости, а также форм и способов самоорганизации в условиях интериоризации современных ценностей свободы само-

реализации, плюрализма и демократии и одновременного ограничения экономических возможностей их реализации. Разрешение этих и других противоречий, вызванных дисфункциями социальных институтов или воспринимаемых молодежью как необоснованные притеснения, приводит к появлению в ее отношении к окружающей действительности и, соответственно, в поведении экстремальных признаков. Стремление к достижению поставленных целей, доходящее до фанатизма, или нигилистичное отрицание норм и правил, обусловленное ростом достигательных ориентаций и разочарованием от неудач, характеризуют крайние полюсы экстремальности в молодежной среде. Сами же экстремальные настроения и проявления становятся способом самозащиты от недружественной действительности и основой для изменения реальности. А экстремальность в этом случае становится не только выражением социально-групповых особенностей молодежи, но и отражением ее конкретного состояния. Поскольку в условиях неопределенности грань между свойствами и состояниями субъектов в значительной мере размывается, то определить, с каким именно феноменом мы имеем дело, весьма затруднительно. И в силу того что в ситуации неопределенности связи между событиями и их последствиями утрачивают жесткую детерминацию, утверждать, что экстремальность с линейной необходимостью конвертируется в экстремизм, также необоснованно. В целом же исследования показывают, что в ситуациях, когда внешние условия среды отмечены ростом противоречий, активизируются экстремальные проявления молодежного сознания, а в качестве альтернативных путей самоорганизации выступают различные экстремистские проявления. При этом в основе выбора лежит спонтанно возникающая либо целенаправленно сформированная реакция молодежи на несоответствие социальных ожиданий и реальных возможностей, предоставляемых средой. Отрефлексированные как социальная несправедливость, возникающие противоречия могут приобрести характер социального конфликта, реализация которого происходит в экстремистской форме. Но выбор может быть сделан и в пользу толерантной модели поведения, основанной на проявлении лояльности и терпимости.

В той или иной реакции молодых людей на окружающую действительность проявляется чувственное и рациональное отношение к ней, становящееся результатом «индивидуального или группового осмысления социальных реалий на основе жизненного опыта» (Кравченко, 2004: 355), т. е. рефлексии. Субъективный опыт, в которой аккумулируются ожидания (экспектации) молодых людей в соотношении с возможностями их реализации, лежит в основе оценок реальности. В зависимости от совпадения ожиданий и возможностей складывается *отношение* к реальности: высокий уровень совпадения создает комфортную среду существования, делая ее «своей», низкий — наоборот, «чужой и даже чуждой» (Ковалева, 2008: 507; Луков, 2012). Соответственно, складывается отношение к реальности и ее объектам, выраженное в положительных категориях близости и доверия или отрицательных — враждебности и недоверия. Например, в ходе наблюдения за деятельностью общественных структур (образовательных, политических, судебных), в результате повседневных взаимодействий с другими и усвоения информации через их личный опыт, а также посредством передачи обобщенных образцов восприятия различных объектов из поколения в поколение актуальное отношение к ним может принимать положительные или отрицательные формы. Следовательно, меняется уровень доверия.

В данном контексте употребление понятий «положительное» и «отрицательное» имеет значение метафоры, отражающей смысл доверительного отношения: позитив-

ные оценки обуславливают не только готовность положиться на институты, делегируя им определенные полномочия, но и подчиняться их регулятивному воздействию. Негативное отношение, в свою очередь, выражается в отрицании их эффективности как проводников групповых интересов и источников легитимной власти, неподчинении и стремлении дистанцироваться в процессе самоорганизации. На основе этой несложной дихотомии базируется образ действительности, в которой доминируют не столько сами объективные условия, сколько знания и представления об этих условиях, а также эмоциональные переживания наличия или отсутствия возможностей реализовать свои цели в данных условиях.

При этом нельзя не учитывать ограниченность и фрагментарность опыта молодежи, основанного преимущественно на обыденных знаниях и упрощенных представлениях о сущности социальных явлений, далеких от рефлексии в гиденсовском определении ее как постоянного *теоретического* понимания окружающей действительности. Однако данное обстоятельство не является главным, важно лишь, как подчеркивает А. Шюц, чтобы эти знания разделялись другими (Шюц, 1996). Уверенность в том, что знания о реальном объекте адекватно разделяются ближайшим окружением («домашней группой», по Шюцу), придает им устойчивый характер, а сама реальность воспринимается как объективная. В среде молодежи этот механизм приобретает первостепенное значение в силу группового характера ее взросления и конструирования социальной реальности как «прорыва группой» (Ковалева, Луков, 1999: 134). Таким образом, повседневные знания объективируются благодаря интеркоммуникациям в группе равных. Экстремистские настроения и проявления также формируются в группах, отражая особую форму самоорганизации. Поэтому молодежные организации и движения с этой точки зрения представляют существенный интерес.

В сочетании рационального и чувственного, когнитивного и эмоционального в процессе «интерсубъективных взаимодействий» знания молодых людей о конкретных проявлениях действительности, опосредованные сознанием других молодых людей, приобретающих совместный опыт проживания в данной реальности, превращаются в систему значений и смыслов. Сложившиеся смыслы и значения становятся отправной точкой в формировании отношения, вызывая удовлетворенность или неудовлетворенность, защищенность или тревогу, опасность или безопасность, доверие или недоверие, а также в целом образ реальности и ее конкретных объектов как заслуживающих или не заслуживающих доверия. В противовес враждебности теряющей доверие социальной среды, по Гидденсу, *системы*, отдельные молодежные сообщества со схожим опытом и представлениями сами становятся объектом доверия со стороны молодежи и источником формирования отношения к окружающей реальности. Тем самым доверие самоорганизованной группе выступает основой идентификации с ней и легитимации их отдельных экстремистских проявлений в отношении институциональных структур.

Таким образом, под доверием понимается *характеристика осознанного отношения к социальной реальности, ее объектам и их представителям, сформированного на основе соотношения социальных ожиданий и результатов их реализации, выраженного в эмоциональных оценках деятельности объектов реальности, восприятия их как надежных и готовности к солидаризации с ними*. В качестве значимых объектов действительности выступают прежде всего социальные институты: общественные и государственные структуры, регулирующие процессы социальных взаимодействий в молодежной среде, а также между молодежью и обществом как части с целым.

Доверие и недоверие диалектически взаимосвязаны и представляют собой единый феномен социальной реальности, существующий во взаимных переходах как реакция на изменение соотношения экспектаций и возможностей их реализации во взаимодействии с существующей социальной действительностью (Чупров, Михеева, 2015: 30). При этом экстремальные формы реакции полного недоверия зачастую обусловлены чрезмерными ожиданиями, так называемыми сверхэкспектациями, характерными для молодежи. Возникающие вследствие этого агрессивность и самоотчуждение сопровождают крайние формы недоверия и, как следствие, экстремальные реакции, при определенных условиях переходящие в экстремизм. Отношение доверия/недоверия, таким образом, способно выступать значимым элементом саморегуляции молодежного экстремизма.

Для эмпирического анализа этих процессов были использованы интегральные показатели доверия и недоверия молодежи к институтам государственной власти: Президенту В. В. Путину, Правительству и Государственной Думе, руководителям регионов и органам местной власти. Как основа легитимации доверие к власти отображает поддержку и ее представителей со стороны молодежи, отражает расположение молодых граждан к ее действиям, признание справедливости издаваемых ею законов, предсказуемость, надежность и единство (см.: Григоренко, 2013; Зубок, Григоренко, Михеева, 2013; Зубок, 2014).

Рассмотрим на основе результатов социологических исследований, как проявляется регулятивная роль доверия в изменении экстремистских настроений молодежи. «Социокультурный механизм формирования и воспроизводства отношения к объектам социальной реальности в российском обществе» и «Доверие как феномен социальной реальности» — исследования, проведенные по всероссийской выборке в 13 субъектах Российской Федерации в 2011 г. и в октябре 2014 г., т. е. в преддверии финансового кризиса. Объем выборки в первом исследовании составил 1301 чел., подвыборки молодежи в возрасте 18–29 лет — 323 чел. В 2014 г. общая выборка составила 1459 чел., подвыборка молодежи в возрасте 15–29 лет — 790 чел. Как свидетельствуют результаты исследований 2011 и 2014 гг., интегральные показатели доверия молодежи властным структурам превышают аналогичные показатели недоверия, хотя и заметно различаются в зависимости от органа власти. В конце 2014 г. они составляли соответственно: Президенту РФ В. В. Путину — 37,6% (доверие) и 3,9% (недоверие); Правительству РФ — 22,6% и 8,7% и лично премьер-министру — 29,7% и 6,7%; Государственной Думе — 20,7% и 10,8%; руководителям регионов — 23,2% и 10%. Исключение составляют местные органы власти, противоположные формы отношения к которым — доверие и недоверие — практически совпадают (15,9% и 16,6%). Характерная для российской ментальности персонификация власти проявляется в более высоком доверии молодых людей лично Президенту, а также Председателю Правительства Д. А. Медведеву, которое составляет 29,7%, что на 7% выше, нежели возглавляемому им Правительству. На этом фоне существенно слабее ощущается поддержка молодежью оппозиции, доверие которой остается на невысоком уровне — 7,3%, а недоверие — 20,4%.

При этом нельзя не заметить, что группа молодежи, не определившейся в своем отношении к оппонентам власти, значительно больше, нежели та, что сформировала тот или иной ее образ. Не вдаваясь в детали обоснования такого отношения, отметим, что оно может быть обусловлено неструктурированностью и размытостью самой оппозиции, не позволяющей создать четкое представление о ней, и несовпадением ожиданий

молодежи от деятельности оппозиции, и укреплением позиции нынешней власти в ориентационных комплексах большинства молодых людей, и целенаправленным формированием негативного образа оппозиции в центральных СМИ. Отдельного внимания заслуживает позиция неопределенности и в отношении к государственным органам власти, охватывающая наименьшую часть молодежи в вопросе доверия Президенту (16,8%) и доходящая до одной трети в отношении всех других анализируемых структур: 27,2% — в отношении к Премьеру и по 37,% — к Правительству и Государственной Думе; 33,6% — к региональному руководству и 35% — к местным органам власти. Одновременно доля молодежи, не определившейся в отношении к оппозиции, равна 44,6%.

Как видно, уровень неопределенности в ряде случаев выше, чем определенности в ее позитивном или негативном выражении. Исследования показывают, что подобное состояние, испытываемое молодежью, как правило, не приводит к существенным действиям с ее стороны, а наоборот, характеризуется скованностью, замешательством или выжиданием. Это вытекает из сущности самой неопределенности и, как следствие, деформации идентификационного механизма под ее влиянием, когда затрудняется отождествление «своих» и «чужих» на социально-политическом поле. В то же время неопределенность позиций носит временный характер и способна переходить в свою противоположность, т. е. определенность, ее выражением может стать как доверие, так и недоверие структурам власти.

Для выяснения возможных поведенческих проявлений в среде молодежи при переходе от неопределенности к определенности рассмотрим, какие предпочтения формируются у тех, чья позиция уже сегодня выглядит определенной и однозначной. С этой целью рассмотрим связь доверия и недоверия с ориентациями молодежи на различные идейные компоненты, отстаиваемые различными общественными движениями. В данном случае нас интересуют не столько конкретные организации и движения, сколько их идейная направленность и характер основных целей.

Высокий уровень доверия властным структурам в большей мере и вполне логично проявляется в идентификации молодежи с теми движениями и организациями, которые позиционируют себя как проводники ее политического курса. Это крыло политических агентов активно стало формироваться десятилетие назад и призвано было стать механизмом консолидации молодежи перед лицом «цветных революций». Подобного рода организации возникали, трансформировались и демонтировались, на их месте создавались новые, а в сознании молодежи, симпатизирующей подобным движениям, они ассоциировались и с перспективами продвижения в большую политическую или бизнес-среду, и с широкими возможностями участия в общественной деятельности. В сознании другой части молодежи деятельность подобных структур связывалась с прагматичным отношением властных структур, решающим текущие задачи регуляции протестных настроений в среде молодежи.

Между тем реализация общего мотива участия в общественно значимых делах способна принимать разные формы. Точно так же как и смыслы, которые наделяются общественной значимостью, в представлениях разных групп молодежи не являются общими для всех. Поэтому сам факт доверия к власти не обязательно ориентирует молодежь на поддержку движений и организаций, являющихся ее сателлитами. Об этом свидетельствует тот факт, что более трети молодых людей, вполне лояльно относящихся к власти, ориентируются на национально-патриотические и правозащитные движения. Не ставя себя в оппозицию, сторонники этих движений потенциально

готовы сотрудничать с властными структурами в решении актуальных проблем защиты прав и национального возрождения страны. Этот вывод имеет принципиальное значение для организации взаимодействия с ними со стороны органов государственной власти и общественных организаций, созданных в их поддержку.

Равно как доверие власти со стороны молодежи автоматически не означает ее деятельностного участия в проправительственных организациях, так и участие в них не всегда подкрепляется доверием. Так, около 6% участников движений и организаций, созданных после 2005 г. в поддержку центральной власти, выражали ей недоверие. В этом случае мотивы вступления молодых людей в подобные организации носят противоположный характер, от циничного приспособленчества и доступа к ресурсам до желания привнести изменения в их деятельность.

Дальнейший анализ данных всех исследований показывает, что те же движения, хотя и несколько в меньшей степени, являются референтными для молодежи, выражающей противоположное отношение к органам власти, т. е. недоверие. Среди сторонников национально-патриотических объединений таких 13,5%; правозащитных — 9,8%. Критицизм 12,1% молодежи по отношению к власти реализуется под националистическими лозунгами, а 11,9% — под экологическими. Однако значительно большая часть молодых людей, не доверяющих власти (каждый четвертый), как показали результаты всех наших исследований, выражают поддержку оппозиционных объединений.

Противоречия восприятия молодежью социальной реальности выражаются в неоднозначной связи ее доверия к власти с ориентацией на те или иные идейные течения. Как доверие, так и недоверие в молодежной среде реализуется в одних и тех же идейных формах, т. е. молодые люди, доверяющие власти, встречаются и в экологических, и в национально-патриотических, и в правозащитных организациях. Точно так же как под одними идейными знаменами могут объединиться и сторонники власти, и ее оппоненты. Причины подобной размытости между отношением к власти и идейными смыслами, которыми она наполняется, коренятся не только в имманентной лабильности молодежного сознания, возрастной незрелости ее общественно-политических позиций и отношений к объектам социальной реальности, но и в неоднородности самих молодежных движений, интегрирующих молодежь с различным опытом и субъективной реальностью. Следовательно, в то время как одна часть молодежи имеет сформированную установку на фанатизм или нигилизм, усиленные недоверием к власти, другая — готова к сотрудничеству с ней в силу доверия. Как именно разрешится данное противоречие в каждом конкретном случае, зависит не только от способности одних заражать, а вторых — подвергаться заражению, но и от действий власти по отношению к молодежи. Толерантное восприятие критицизма молодежи и готовность самой системы к сотрудничеству укрепляют взаимное доверие и препятствуют формированию «обобщенного врага» в сознании молодежи.

Доверие и недоверие оказывают регулирующее воздействие на активизацию молодежи в направлении отстаивания своих убеждений. По данным проведенных исследований, чем выше доверие в среде молодежи, тем сильнее проявляются ее установки на социальную активность по всем без исключения мотивам: по политическим (с 12,5% среди не доверяющих власти до 18% среди доверяющих), религиозным (с 16,3% до 23,3%), патриотическим (с 25,4% до 32,2%), национальным (с 31,4% до 37%) и связанным с защитой социальной справедливости (с 67,9% до 70,4%). Отмечая усиление активных установок молодежи под влиянием доверия, все же нельзя не заметить, что

разница в степени активности группы доверяющих и не доверяющих власти в среднем немногим выше 5%. А по показателю социальной справедливости и вовсе 2,5%. Стало быть, молодежь с низким доверием также вполне активна.

И снова возникает вопрос о причинах не слишком выраженной связи между этими переменными. Объяснение этому явлению, по-видимому, следует искать, во-первых, в неоднозначности самих смыслов, которые вкладываются в понятия социальной справедливости, религиозных или национально-патриотических убеждений. Если для одних социальная справедливость означает утверждение равенства прав и гарантий, меритократических принципов вознаграждения и продвижения, в отстаивании которых молодые люди готовы идти до конца, то для других — наоборот, справедливость связывается с соблюдением различий, основанных на неодинаковых способностях различных групп, что признается ими вполне справедливым. Если одни справедливым полагают возвращение некогда утраченных территорий, то другие считают такие действия неприемлемыми, а справедливость ими воспринимается как нерушимость государственных границ. Одни видят справедливость в многообразии и толерантности, другие — в победе собственных представлений. И в каждом случае они готовы бороться до конца, отрицая одно и утверждая другое. Аналогичным образом диверсифицируются смысл и значение патриотических убеждений, которые расходятся среди консерваторов и либералов, доверяющих и не доверяющих государственным и властным структурам.

При этом одна часть молодежи, отстаивая свои взгляды и убеждения, видит в существующей власти опору и союзника, другая — едва ли не главное препятствие. Различающийся опыт, знания и представления молодежи олицетворяют достоверность противоположных образов власти — власти-союзника и власти-противника в претворении высших идей и ценностей. В то время как одни считают, что добиваться социальной справедливости, национального и духовного возрождения можно в сотрудничестве с властью, их нигилистично настроенные сверстники уверены в неспособности власти к такому сотрудничеству. В этой связи актуализируется вопрос ответственности самой власти перед молодежью, готовности или неготовности власти отвечать ожиданиям молодых людей, высказывающим ей свою поддержку и доверие. Мерой ответственности при этом служит и стремление своевременно решать социальные проблемы молодежи, готовность к диалогу с ней, реальное, а не симулятивное включение молодежи в обсуждение жизненно важных решений, умение справляться с соблазном злоупотреблять доверием молодежи. Опыт показывает, что эта проблема стоит сегодня очень остро.

Еще более выражена связь доверия к власти и поведенческих установок среди действующих членов молодежных организаций и объединений. Высокий уровень доверия в их среде усиливает установку на защиту религиозных чувств: с 31,8% среди не доверяющих до 42,9% среди доверяющих и социальной справедливости: с 75,8 до 85,8% соответственно. Из этого следует, что по данным основаниям участники молодежных движений готовы сотрудничать с властью и реализовывать свою активность в институционализированных формах. В свою очередь, недоверие активизирует готовность участников молодежных движений бороться до конца, прежде всего за политические убеждения (с 52,3% среди доверяющих до 76,2% среди недоверяющих), патриотические (с 66,7% до 73,4%) и националистические чувства (с 57,2% до 69,9% соответственно). Не доверяя власти, эта часть молодежи не видит в проводимой ею политике отражения своих интересов, не считает ее поборником национально-патриотических

чувств, стремление защищать которые становится тем выше, чем сильнее проявляется недоверие и чем выше уровень самоорганизации молодежи. В этих условиях вероятность экстремальных действий со стороны молодежных организаций многократно возрастает. Не случайной в этой связи становится поддержка молодежью радикальных русских националистов, выступающих против лиц нерусской национальности, и радикальных «левых» организаций, эксплуатирующих идеи социального равенства. В целом среди молодых людей, выражающих недоверие к власти, относятся к левым радикалам с симпатией и во многом разделяют их взгляды до 9% опрошенных. А среди участников движений их численность увеличивается почти втрое. Из этого следует, что в сознании молодежи под влиянием напряженных отношений с властью борьба за национально-патриотические чувства и социальную справедливость может быть окрашена в националистические тона (см. табл. 1).

Таблица 1

ВЛИЯНИЕ ДОВЕРИЯ ВЛАСТИ НА ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ К РАДИКАЛЬНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ, ПОЛИТИЧЕСКИМ И ОБЩЕСТВЕННЫМ ДЕЯТЕЛЯМ, В %, 2011 г.

Table 1

INFLUENCE OF TRUST IN GOVERNMENT ON THE ATTITUDES OF YOUNG PEOPLE TOWARDS RADICAL ORGANIZATIONS, POLITICIANS AND OTHER PUBLIC FIGURES (% , 2011)

Характеристика отношения	Организации по типу идейной направленности									
	Радикальные «левые», выступающие за социальное равенство		Радикальные русские националисты, выступающие против лиц нерусской национальности		Радикальные религиозные, выступающие за следование религиозным заветам		Радикальные националистические, отстаивающие национальные и религиозные интересы нерусских национальностей		Радикальные либеральные, прозападные	
	В целом по молодежи	Среди участников движений	В целом по молодежи	Среди участников движений	В целом по молодежи	Среди участников движений	В целом по молодежи	Среди участников движений	В целом по молодежи	Среди участников движений
Недоверие	6,4	18,1	8,7	19,1	2,9	3,3	1,8	0,9	1,7	1,5
Доверие	3,2	3,4	5,6	2,6	4,5	0,8	1,9	0,8	1,5	1,8

Вместе с тем степень доверия к власти влияет на формы, в которых реализуются протестные установки молодежи.

Характер протестных установок выяснялся на основании ответов на следующие вопросы: «Если социально-экономическая ситуация в стране будет ухудшаться, готовы ли вы лично принять участие в массовых выступлениях, акциях протеста?» и «В каких акциях протеста вы готовы участвовать?» (см. табл. 2).

Данные, представленные в табл. 2, наглядно показывают, что доверие к власти способно быть значимым регулятором форм протестной активности молодежи, включая

Таблица 2

СРАВНЕНИЕ ПРОТЕСТНЫХ УСТАНОВОК МОЛОДЕЖИ В ЗАВИСИМОСТИ
ОТ ДОВЕРИЯ И НЕДОВЕРИЯ СТРУКТУРАМ ВЛАСТИ, В %, 2011 г.

Table 2

COMPARISON OF THE PROTEST ATTITUDES OF YOUNG PEOPLE IN ACCORDANCE
WITH TRUST AND DISTRUST IN GOVERNMENT (% , 2011)

Характеристика отношения	Готовность к протестным действиям		Предполагаемые формы протестных действий							
			Мирные, разрешенные властями митинги, пикеты и демонстрации		Мирные, но не разрешенные властями митинги и демонстрации		Захват зданий, перекрытие транспортных путей		Готовность взяться за оружие в случае безрезультатности мирных способов	
	В целом по молодежи	Среди участников движений	В целом по молодежи	Среди участников движений	В целом по молодежи	Среди участников движений	В целом по молодежи	Среди участников движений	В целом по молодежи	Среди участников движений
Недоверие	33,5	68,0	33,5	64,1	13,3	51,8	4,2	25,1	5,8	28,6
Доверие	33,7	69,4	33,7	81,0	10,3	42,1	2,1	9,9	3,5	5,0

наиболее крайние — экстремистские формы. Оно играет решающую роль в мотивации соблюдения институциональных рамок, каковыми являются мирные, разрешенные акции, даже в самых острых ситуациях конфликта. Напротив, недоверие становится детонатором нигилизма в отношении норм закона и фанатизма в реализации идей начиная с пренебрежения запретами на организацию митингов и шествий, заканчивая экстремистскими действиями по захвату зданий, перекрытию транспортных путей и пр., вплоть до использования оружия.

Однако само по себе недоверие не является достаточным условием радикализации настроений молодежи и перехода экстремальности в экстремизм, а взаимодействует с другими факторами, среди которых значимую роль играет наличие экстремистского окружения. Как уже отмечалось, реализация экстремистских настроений осуществляется преимущественно в условиях групповой самоорганизации молодежи. Следовательно, само участие в различных формах самоорганизации является предпосылкой радикализации молодежи. В то же время не все молодые люди подвергаются их влиянию и усваивает соответствующие установки, а лишь те, чье отношение к власти отличается недоверием. В их окружении число лиц с экстремистскими воззрениями увеличивается более чем в три раза, охватив в период с 2011 до 2014 г. 16,4%. Это означает, что интериоризация экстремистских взглядов становится следствием, а не причиной делигитимации власти в молодежной среде.

Для выяснения оценки допустимости молодежью экстремистских проявлений использовалась альтернатива «вполне допустимо» (см. табл. 3, с. 74).

Таблица 3

ВЛИЯНИЕ ДОВЕРИЯ НА ОЦЕНКУ ДОПУСТИМОСТИ МОЛОДЕЖЬЮ
ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ, В %, 2011 г.

Table 3

INFLUENCE OF TRUST ON YOUNG PEOPLE'S ESTIMATION
OF EXTREMIST ACTION PROBABILITY, (% , 2011)

Характеристика отношения	Виды действий											
	Дискредитация политических противников (обливание соком, забрасывание яйцами, тортами)		Захват и удержание административных зданий		Формирование боевых отрядов (дружин)		Драки, избивание своих политических противников		Политические голодовки		Несанкционированные митинги, шествия, пикеты	
	В целом по молодежи	Среди участников движений	В целом по молодежи	Среди участников движений	В целом по молодежи	Среди участников движений	В целом по молодежи	Среди участников движений	В целом по молодежи	Среди участников движений	В целом по молодежи	Среди участников движений
Недоверие	23,6	48,2	8,5	5,3	5,8	22,4	6,3	20,3	22,8	51,6	25,1	68,9
Доверие	21,5	9,1	6,5	2,5	5,2	3,3	5,1	1,7	20,0	20,7	20,3	38,8

Как видно из табл. 3, недоверие является значимым детонатором радикализации молодежи в целом, а в молодежных движениях под влиянием самоорганизации эта зависимость по всем показателям резко усиливается. Так, среди организованных молодых оппонентов власти возрастает одобрение несанкционированных митингов, шествий и пикетов (около 70%); половина участников движений из числа не доверяющих власти считает допустимыми политические голодовки и дискредитацию политических противников (обливание соком, забрасывание яйцами, тортами), а также наиболее жесткие экстремистские действия: захват и удержание административных зданий (каждый четвертый), формирование боевых отрядов и драки с оппонентами (каждый пятый).

Характерно, что экстремистские действия принципиально не отвергаются и теми молодыми людьми, которые в целом власти доверяют. В данном случае сказываются особенности самоорганизации молодежи, усиленные ее экстремальностью. Несмотря на невысокую долю этой группы молодых людей, отмеченная тенденция потенциально опасна в силу обострения конфликта между этими двумя группами молодежи, а также по причине экономического кризиса, обострения социальных проблем, текущих военных конфликтов в разных частях мира и последовавшего за ними миграционного кризиса.

Как показывают проведенные исследования, экстремизм в той или иной мере проявляется во всех типах движений, действующих ли в поддержку власти или оппозиционных ей, отстаивающих консервативные или либеральные идеи, национальные цен-

ности или общечеловеческие. Поэтому фактор доверия является важнейшим условием общественного диалога в процессе саморегуляции и самоорганизации молодежи, сохранения правовых границ ее деятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, доверие является значимым фактором саморегуляции экстремизма в молодежной среде. Оно способствует снижению радикализации молодежи, соблюдению институциональных форм ее общественной деятельности и укреплению институциональных оснований самоорганизации, понижению экстремистских настроений и проявлений в среде. Однако формирование доверия молодежи к власти должно представлять собой не манипулирование молодежью, а результат политики, соответствующей ее базовым ожиданиям, что является основой поддержания солидарности и консенсуса в российском обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бандурин, А. П. (2005) Социальная регуляция: рациональное и иррациональное. М. : Социально-гуманитарные знания. 299 с.

Григоренко, Б. Ю. (2013) Доверие к власти как фактор социально-политической активности молодежи: социокультурный аспект : дис. ... канд. социол. наук. М. 157 с.

Зинченко, Г. П. (2004) Социология управления : учеб. пособие для вузов. М. : Феникс. 384 с.

Зубок, Ю. А. (2014) Регулятивная роль доверия в формировании социальной субъектности молодежи // IX Ковалевские чтения: Материалы научно-практической конференции 14–15 ноября 2014 г. / отв. ред. Ю. В. Асочаков. СПб. : Скифия-принт. 1694 с. С. 1150–1153.

Зубок, Ю. А., Григоренко, Б. Ю., Михеева, В. В. (2013) Тезаурусная регуляция доверия молодежи к власти [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». № 3 (май — июнь). URL: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2013/3/Zubok-Grigorenko-Mikheeva_Thesaurus-Regulation/ [архивировано в WebCite] (дата обращения: 10.09.2015).

Зубок, Ю. А., Чупров, В. И. (2008) Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования. № 5. С. 37–47.

Зубок, Ю. А., Чупров, В. И. (2009) Самоорганизация в проявлениях молодежного экстремизма // Социологические исследования. № 1. С. 78–88.

Иванов, В. Н., Патрушев, В. И. (2004) Социальные технологии : учеб. пособие. М. : Мунципальный мир. 479 с.

Ковалева, А. И. (2008) Тезаурусная концепция молодежи // Социология молодежи : энциклопедический словарь / отв. ред. Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. М. : Academia. 608 с. С. 507–508.

Ковалева, А. И., Луков, В. А. (1999) Социология молодежи. Теоретические вопросы. М. : Социум. 351 с.

Кравченко, С. А. (2004) Социологический энциклопедический русско-английский словарь = Sociological encyclopedic Russian-English dictionary : более 10000 единиц. М. : АСТ ; Астрель ; Транзиткнига. 511 с.

Луков, В. А. (2012) Теории молодежи: междисциплинарный анализ. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация». 528 с.

Чупров, В. И., Зубок, Ю. А. (2009) Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. М. : Academia. 320 с.

Чупров, В. И., Михеева, В. В. (2015) Доверие в саморегуляции социальных взаимодействий в условиях неопределенности. Почему нет мира в Украине? М. : Норма. 160 с.

Шюц, А. (1996) Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль : тексты / под общ. ред. В. И. Добренкова. М. : Междунар. ун-т бизнеса и управления. 557 с. С. 526–541.

Эфендиев, А. Г. (2000) Социальные взаимодействия: формы, типы и принципы регуляции // Общая социология : учеб. пособие / под общ. ред. А. Г. Эфендиева. М. : ИНФРА-М. 654 с. С. 165–213.

Дата поступления: 15.09.2015 г.

TRUST IN SELF-REGULATION OF YOUTH EXTREMISM

YU. A. ZUBOK

(INSTITUTE OF SOCIO-POLITICAL RESEARCH, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES, MOSCOW)

In the current global crisis, a fall in living standards and the obvious narrowing of the window of opportunities for the young, in almost all parts of the world (Middle East, North Africa, Europe and the former Soviet Union) have forced many self-organizational processes among youth to take a radical turnover. The contemporary trends of individualization and emancipation of the social subject, setting oneself free from various restrictions and expanding the space of individual freedom, are accompanied both by the plurality of young people's views and ideas of their social milieu — and by a rise in protest mood. Youth has now become the main driving force of extremist action.

In accordance with the theoretical and methodological approaches developed by the Department of Sociology of Youth at the Institute of Socio-Political Research, Russian Academy of Sciences, the article examines the role of trust as a significant factor of extremism among the young. We analyze the outcomes of two surveys titled “The Sociocultural Mechanism of Building and Reproducing Attitudes to the Objects of Social Reality in Russian Society” and “Trust as a Social Reality Phenomenon” done by a team lead by Yu. A. Zubok and V. I. Chuprov in 13 constituent regions of the Russian Federation. The total number of respondents in the year 2011 stood at 1301, with a subsample of youth aged 18–29 accounting for 323. In 2014, the respondents totaled 1459, with 790 of them representing the subsample of youth aged 15–29.

Our interpretation of youth extremism as a social phenomenon is based on the peculiarities of youth as a social group, the nature of its consciousness and subcultures as a way of self-organization. Theoretical foundations of the concept of trust are found within the phenomenological approach to sociology of knowledge, which defines trust as a form of positive perception of the objects and the creation of its subjective image laden with specific meanings. Trust in government is the outcome of rational and emotional perception of its leaders and institutions by young people. Thus trust comes up as a measure of overlapping by expectations and realities.

The surveys have demonstrated how youth's trust in government act as a significant regulator of the socio-political activity of the young, as well as the general direction of this activity and its particular manifestations, providing sustainable links to institutional norms, helping to reduce radicalization of young people, and weakening their commitment to extremist action.

Keywords: trust; youth; socio-political activities; radical mood; youth extremism; self-regulation; self-organization

REFERENCES

Bandurin, A. P. (2005) *Sotsial'naiia reguliatsiia: ratsional'noe i irratsional'noe* [Social regulation: Rational and irrational] / ed. by Yu. G. Volkov. Moscow, Sotsial'no-gumanitarnye znaniia Publ. 299 p. (In Russ.).

Grigorenko, B. Yu. (2013) *Doverie k vlasti kak faktor sotsial'no-politicheskoi aktivnosti molodezhi: sotsiokul'turnyi aspekt* [Trust in the authorities as a factor of the socio-political activity of the youth: Socio-cultural aspect] : Diss. ... Candidate of Sociology. Moscow. 157 p. (In Russ.).

Zinchenko, G. P. (2004) *Sotsiologiya upravleniia* [Sociology of management]. Rostov-on-Don, Feniks Publ. 384 p. (In Russ.).

Zubok, Yu. A. (2014) *Regulativnaia rol' doveriia v formirovanii sotsial'noi sub'ektnosti molodezhi* [Regulatory role of trust in the development of youth's social subjectness]. In: *IX Kovalevskie chteniia* [The 9th Kovalev readings] : Proceedings of the research-to-practice conference, November

14–15, 2014. / ed. by Yu. V. Asochakov. St. Petersburg, Skiffia-print Publ. 1694 p. Pp. 1150–1153. (In Russ.).

Zubok, Yu. A., Grigorenko, B. Yu. and Mikheeva, V. V. (2013) Tezaurusnaia reguliatsiia doveriia molodezhi k vlasti [The thesaurus regulation of youth's trust in the authorities]. *Informatsionnyi gumanitarnyi portal "Znanie. Ponimanie. Umenie"*, no. 3 (May — June). [online] Available at: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2013/3/Zubok-Grigorenko-Mikheeva_Thesaurus-Regulation/ [archived in WebCite] (accessed 10.09.2015). (In Russ.).

Zubok, Yu. A. and Chuprov, V. I. (2008) Molodezhnyi ekstremizm. Sushchnost' i osobennosti proiavlennii [Youth extremism. Nature and peculiarities of its manifestation]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 4, pp. 37–47. (In Russ.).

Zubok, Yu. A. and Chuprov, V. I. (2009) Samoorganizatsiia v proiavlenniakh molodezhnogo ekstremizma [Self-organization in youth extremism and its manifestations]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 1, pp. 78–88. (In Russ.).

Ivanov, V. N. and Patrushev, V. I. (2004) Sotsial'nye tekhnologii [Social technologies]. Moscow, Munitsipalnyi mir Publ. 479 p. (In Russ.).

Kovaleva, A. I. (2008) Tezaurusnaia kontseptsiiia molodezhi [Thesaurus conception of youth]. In: *Sotsiologiiia molodezhi. Entsiklopedicheskii slovar'* [Sociology of youth: An encyclopedic dictionary] / ed. by Yu. A. Zubok and V. I. Chuprov. Moscow, Academia Publ. 608 p. Pp. 507–508. (In Russ.).

Kovaleva, A. I. and Lukov, V. A. (1999) *Sotsiologiiia molodezhi. Teoreticheskie voprosy* [Sociology of youth. Theoretical issues]. Moscow, Sotsium Publ. 351 p. (In Russ.).

Kravchenko, S. A. (2004) *Sotsiologicheskii entsiklopedicheskii russko-angliiskii slovar'* [Encyclopedic Russian-English dictionary of sociology]. Moscow, Astrel' Publ. ; AST Publ. ; Tranzitkniga Publ. 511 p. (In Russ.).

Lukov, V. A. (2012) *Teorii molodezhi: mezhdistsiplinaryni analiz* [Theories of the youth: An interdisciplinary analysis]. Moscow, Kanon+ Publ., RPOD "Reabilitatsiia". 528 p. (In Russ.).

Chuprov, V. I. and Zubok, Yu. A. (2008) *Molodezhnyi ekstremizm: sushchnost', formy proiavlennii, tendentsii* [Youth extremism: Nature, forms of manifestation and trends]. Moscow, Academia Publ. 320 p. (In Russ.).

Chuprov, V. I. and Mikheeva, V. V. (2015) *Doverie v samoregulatsii sotsial'nykh vzaimodeistvii v usloviakh neopredelennosti. Pochemu net mira v Ukraine?* [Trust in the self-regulation of social interactions in conditions of uncertainty. Why is there no peace in Ukraine?]. Moscow, Norma Publ. 160 p. (In Russ.).

Schütz, A. (1996) Formirovanie poniatii i teorii v obshchestvennykh naukakh [Concept and theory formation in the social sciences]. In: *Amerikanskaia sotsiologicheskaiia mysl'* [American sociological thought] / ed. by V. I. Dobrenkov. Moscow, International University for Business and Management Publ. 557 p. Pp. 526–541. (In Russ.).

Efendiev, A. G. (2000) Sotsial'nye vzaimodeistviia: formy, tipy i printsipy reguliatsii [Social interactions: Forms, types and principles of regulation]. In: *Obsbchaia sotsiologiiia* [General sociology] : A textbook / ed. by A. G. Efendiev. Moscow, INFRA-M Publ. 654 p. Pp. 165–213. (In Russ.).

Submission date: 15.09.2015.

Зубок Юлия Альбертовна — доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом социологии молодежи Института социально-политических исследований РАН. Адрес: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1. Тел.: +7 (499) 530-28-56. Эл. адрес: uzubok@mail.ru

Zubok Yulia Albertovna, Doctor of Sociology, Professor and Chair, Department of Sociology of Youth, Institute of Socio-Political Research, Russian Academy of Sciences. Postal address: Bldg. 1, 6 Fotievoy St., 119333 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (499) 5302856. E-mail: uzubok@mail.ru